

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

АТАКА ВСЛЕПУЮ

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Остапенко*

Карпов, Александр Николаевич.

К26 Атака вслепую / Александр Карпов. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-175364-1

Весна 1943 года. Красная армия готовится к наступлению. На одном из участков продвижению наших подразделений мешают вражеские минометные батареи. Для выявления их позиций в расположение гитлеровцев отправляются разведчики во главе с Егором Шукиным. Пройдя передний край, бойцы обнаруживают первую минометную батарею и обозначают ее для наших артиллеристов дымовыми шашками. Потревоженный враг открывает по разведчикам шквальный огонь. Уцелевший Шукин выявляет еще одну батарею врага, но навести на нее наших артиллеристов уже нечем. Понимая, что задание нужно выполнить во что бы то ни стало, Егор решается на отчаянный шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175364-1

© Карпов А., 2022
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

— Ну, родимая! — прокричал парнишка-коновод худенькой лошаденке, старательно и натужно тянувшей за собой скрипучую повозку, по обеим сторонам которой свешивались обутые в грязные ботинки ноги сидевших в ней солдат.

Едва не перевернувшись на бок из-за внезапно утонувших в грязи колес по одному борту, повозка качнулась, сильно накренилась, но тут же выровнялась, перескочив через заполненную водой канавку на дороге.

— Ровнее держи! Чего она у тебя все время на сторону заваливается? — заворчал один из седоков в адрес коновода, возмущаясь сильному раскачиванию телеги. — По минному полю едем. Вон, повсюду таблички торчат!

После этой фразы все как один пассажиры повозки, облаченные в грязные, выдававшие виды солдатские ботинки, стали бороз-

дять испуганными взглядами обочину дороги, отыскивая таблички, установленные когда-то саперами для тех, кто следовал этим путем на транспорте, пешком или верхом. Они попадались кое-где, особенно в тех местах, где только успел сойти снег и простилался прошлогодний, сильно примятый под тяжестью влаги, пожухлый травяной ковер. Утешающие душу таблички с надписями «Мин нет!», с указанием ниже звания и фамилии ответственного за разминирование данного участка лица, стояли по обе стороны от утопающей в весенней распутице дороги. Часто слова на табличках уже и не были видны за давностью времени их написания, смытые дождями и овеянные ветрами, но бывалые водители и коноводы, не раз проезжавшие именно этим маршрутом, помнили, что на них было написано.

Перемалывая копытами, ногами и колесами повозок мягкий, с обилием влаги, чернозем, налипавший, вперемешку с дорожной глиной, на все, что к нему прикасалось, люди и кони не спеша, устало брели в сторону скрытого лесом земляного городка. Под кронами едва пустивших листву деревьев разместился и широко раскинулся медико-санитарный батальон дивизионного подчинения,

выдавший свое местонахождение в этом лесу обилием землянок, перекрытых сверху в два-три наката бревнами, и полуземлянок с двускатными островерхими крышами, а также почти новенькими брезентовыми палатками, установленными на тех местах, где только что успел сойти снег.

Первые повозки из состава длинной, сформированной где-то вблизи передовой колонны начали входить в лесной массив, минуя посты охранения, сформированные из числа лечившихся здесь легкораненых бойцов, стоявших около дороги с винтовками за плечами. Они с интересом рассматривали каждый очередной транспорт, пытаясь увидеть среди бойцов знакомых, что могли рассказать о последних новостях с переднего края. А еще пробовали сами определить, по характеру ранений у прибывающих, что сейчас происходит там, где они сами были некоторое время назад.

Лежащих солдат в повозках почти что не было. Все бойцы в них сидели, а многие и вовсе шли рядом, часто держась то за узду, то за край телеги, сморенные усталостью и тяжестью от налипшей на обувь сырой, а потому тяжелой весенней глины. Повязок, как свежих, так и любых других, говоривших о ра-

нениях, почти ни на ком не было. Никто не стонал, не кричал и не матерился от раздражающей тело боли, как обычно это происходило, когда с передовой срочно везли в санбат тех, кто был ранен и нуждался в срочной помощи врачей и санитаров. Прибывающие в составе колонны солдаты были вовсе не такими, каких обычно сюда привозили. Вид их был вполне спокойным, а лица едва ли не радостными от ощущения того, что на какое-то время они расставались с передовой и поступали в распоряжение тылового подразделения. Здесь, всего в нескольких километрах от опостылевших окопов и траншей, у них не будет постоянного бдения, нервозности, служебной спешки, напряжения от ожидаемой дерзости врага, его удара, артобстрела, авиационного налета или приказа атаковать его передовые позиции, что делалось в последние месяцы довольно часто и происходило с большими потерями среди личного состава. Прибывающие солдаты готовились к короткому, всего в несколько дней, отдыху, считаясь в это время временно не боеспособными.

— Вы откуда такие? — спросил с ноткой удивления в голосе один из тех, кто встречал

колонну повозок возле края леса, где находился пост охранения.

— Что, сам, что ли, не видишь? Оттуда, откуда и сам недавно был! — ответил ему сидящий в повозке худой, в засаленном ватнике, грязных штанах и обмотках, солдат, куривший самокрутку и почти не смотревший по сторонам.

Лицо его казалось немного искаженным, но все равно излучало небольшую долю радости от вынужденного удаления от опостылевшей передовой. А лицо было искажено то ли от боли, то ли от усталости. Точно такими же были лица почти у всех, кто прибывал с ним в медсанбат пешком или на повозках. Каждого что-то истязало, не давало покоя, тяготило и, видимо, являлось причиной попадания на лечение. И все это было смешано с нескрываемым облегчением от мыслей о коротком отдыхе.

— Так среди вас и раненых, почитай, нет! — снова прозвучал голос удивленного видом прибывающих солдата, начинавшего внимательно разглядывать всех и каждого из числа пересекавших его пост.

— Будут, не переживай! Война еще не кончилась! — прокричал в ответ ему все тот же, кто сидел в первой телеге и курил, про-

должая кривить лицо не то от боли, не то еще от чего-то.

— Андруха! — неожиданно раздался за спиной первого солдата на КПП хриплый бас второго, что стоял чуть поодаль, а сейчас вышел вперед и сделал несколько шагов в сторону колонны.

— О! Васек! — ответил ему с телеги давно небритый рябой боец, укутанный в шинель поверх грязного, заношенного солдатского ватника, будто замерзал от жуткого холода или мучился от болезненного озноба.

— То из моего взвода, товарищ сержант! — уточнил второй солдат, обращаясь к первому, и продолжил путь навстречу увиденному сослуживцу.

— Ты погоди, Васек! Не до объятий тут! — вдруг одернул бойца рябой с телеги и выставил навстречу идущему к нему ладонь, призывая остановиться.

— Заразные мы тут, парень! Ты лучше не подходи к нам, а то мало ли чего! — вмешался в разговор старых друзей еще один солдат, что сопровождал повозку, следуя рядом пешком.

Боец остановился и с удивлением продолжил разглядывать всех прибывающих, теперь начав осознавать, что у них нет следов ранений, а следовательно, и перевязки.

— И чего с вами со всеми? — отшатнувшись, удивленно и испуганно протянул приветливый солдат на КПП.

— Сыпью исходим. Прямо мочи нет. Все тело ноет, — уточнил ему тот, что поведал о наличии заразы, немного повернув голову назад, чтобы его было лучше слышно.

— Как тиф, только без лихорадки. И тело ноет, а кожа как огнем горит! — пояснил удивленному и напуганному солдату еще один зараженный, что сидел на самом краю повозки.

— О как! — отозвался на все услышанное со стороны колонны стоящий на КПП сержант и потянул на себя за плечо пораженного и напуганного полученной информацией солдата. — Держись подальше от них, парень. Мало ли чего. Не хватало еще и заразу подцепить. А ты только от ранения оправился.

Солдат поежился от слов старшего по званию, втянул голову в плечи и вернулся на свое место.

— Вот вам и новое пополнение, товарищ лейтенант! — послышался невдалеке чей-то раздраженный громкий голос.

Дежурившие на КПП бойцы машинально повернули головы в сторону доносившегося разговора. Оттуда в направлении транспортов

шли двое сердитого вида мужчин, один из которых шел чуть впереди второго, сложив руки в карманы когда-то белого, а теперь заляпанного бурыми, плохо застиранными пятнами медицинского халата, надетого прямо поверх ватника. По виду он был старше и по возрасту, и, очевидно, по званию второго, а потому задавал темп ходьбы и маршрут и, по всей видимости, именно ему принадлежала громко сказанная фраза, долетевшая до ушей солдат. Второй был заметно ниже ростом первого, а потому едва успевал за ним, быстро шагающим, от чего вынужден был почти бежать, немного подпрыгивая и не успевая смотреть себе под ноги. Со стороны было заметно, что, как только он опускал голову, чтобы взглянуть под ноги, его очки в роговой оправе начинали сползать на кончик его носа и вынуждали своего владельца все время поправлять их пальцем. На нем, довольно невысоком, была короткополая, будто бы специально укороченная для удобства ношения, шинель. Поверх талии, довольно высоко, она была небрежно опоясана ремнем со сдвинутой, по недосмотру хозяина, вбок пряжкой со звездой. Довершала немного забавную внешность поношенная, изрядно засаленная и закопченная, особенно спереди, выдававшая виды

комсоставская зимняя шапка, сбившаяся во время бега на затылок владельца.

— И это только первая партия, что медики на передовой отобрали! — продолжил говорить громко, обращая на себя внимание со стороны тот, что выглядел старше и главнее. — Потом, как я думаю, еще подвозить начнут!

— А как быть, товарищ капитан? Такое на целую эпидемию тянет! — заключил, выслушав впереди идущего, лейтенант.

— На подрыв боеспособности это тянет! — резко перебил собеседника старший, неожиданно остановившись и повернув в сторону лейтенанта сердитое лицо, багровое от злобы и волнения. — А это уже настоящее воинское преступление очень серьезного характера, которое в данное время может очень и очень серьезно на нас отразиться. И карается оно весьма и весьма жестко.

Он понизил голос и снова повернулся в том направлении, куда шел ранее, намереваясь лично встретить прибывающих с передовой на лечение в медсанбат солдат.

— А ведь я комдиву, что старому, что новому, докладывал о положении дел, — продолжил он, снова начав двигаться туда, где уже сделали остановку первые, прибывшие

на территорию медсанбата повозки с бойцами. — Говорил, что по весне в траншеях антисанитария будет царствовать. Что баню надо чаще солдатам устраивать. Что кормить, в конце концов, лучше надо. Витаминов хватать не будет. Вши зажрут окончательно.

— А комдив что? — спросил лейтенант.

— А что комдив? — ответил капитан, уже теряя интерес к диалогу с собеседником, так как его внимание начинали привлекать прибывшие с передовой солдаты. — У них выше приказы были. Им воевать надо было, а не помывкой и питанием подчиненных заниматься.

Хмурясь и качая головой от недовольства и волнения, он достал из кармана своего медицинского халата левую руку и, небрежно махнув ею, указал подчиненному куда-то в сторону стоявших в лесу брезентовых палаток, тихо добавив:

— Всех туда ведите, а я через пять минут на осмотр подойду.

Лейтенант в короткополой шинели побежал к повозкам, что-то выкрикивая на ходу, похожее на отдаваемые команды и распоряжения. Старший по званию, проводив взглядом исполнительного подчиненного, закурил, продолжая хмуро рассматривать прибываю-

щих в медсанбат на лечение солдат. Спустя минуту он поставил ногу на высокий пенек, положил на одно колено небольшой блокнот, извлеченный из-за пазухи, и стал что-то записывать в него, постоянно кривясь лицом от густого махорочного дыма.

Капитана давно поджидал стоявший среди деревьев недалеко от него невысокий, под стать исполнителю лейтенанту, боец. Он явно собрался в дальний путь. Солдат был одет в обычный ватник, поверх которого были накинута крест-накрест на груди шинельная скатка и свернутая на такой же манер плащ-палатка. Обут в ботинки с обмотками почти до колен, на голове шапка, которую он поправил рукой, передвинув с затылка на лоб. За спиной бойца висел худой, потертый и изношенный солдатский вещмешок, а рядом с ним вдоль тела вытянулся автомат с прикинутым магазином. На ремне у него расположились подсумок, фляжка, малая саперная лопатка в чехле и трофейный немецкий нож. Последний придавал виду солдата облик бывалого, немало повоевавшего и не первый месяц жившего фронтовой жизнью человека. Довершал его облик бойца, так не любимый солдатами передовых частей, из-за габаритов и лишнего веса, противогаз в сумке.